Финансирование
Европейского Союза

Schweizerische Eidgenossenschaft
Confédération suisse
Confederazione Svizzera
Confederaziun svizra

Swiss Confederation
Конфедератсияи Швейтсария

Идораи ҳуқуқи Инсон ва
Риояи Қонуният
Bureau of Human Rights and
Rule of Law
Бюро по правам человека
и соблюдению законности

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ОБЗОР (УПО)

Четвёртый цикл
Совместный доклад организаций гражданского общества Таджикистана

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАВА И СВОБОДА ОТ ПЫТОК

UNIVERSAL PERIODIC REVIEW (UPR)

Fourth Cycle
Joint Submission of Civil Society Organizations of Tajikistan

ECONOMIC, SOCIAL RIGHTS AND FREEDOM FROM TORTURE

Душанбе, 2026

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ОБЗОР (УПО)

Четвёртый цикл

Совместный доклад организаций гражданского общества Таджикистана

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАВА И СВОБОДА ОТ ПЫТОК

Душанбе, 2026

Настоящий доклад подготовлен при финансовой поддержке Европейского Союза и Правительства Швейцарии. Доклад основан на материалах, информации и экспертных оценках, предоставленных организациями и экспертами, участвовавшими в его подготовке. Содержание настоящего документа является исключительной ответственностью ОО «Бюро по правам человека и соблюдению законности» как организации-бенефициара проекта и ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться как отражающее позицию Европейского Союза и Правительства Швейцарии.

Доклад подготовлен в рамках следующих проектов:

- «Продвижение основных прав: укрепление гражданского общества, предотвращение пыток и преобразование тюрем в целях защиты прав человека в Таджикистане», финансируемого Европейским Союзом;
- «Содействие соблюдению Таджикистаном международных обязательств в области прав человека: поддержка подготовки государства и гражданского общества к УПО», финансируемого Правительством Швейцарии.

Проекты реализуются ОО «Бюро по правам человека и соблюдению законности».

© ОО «Бюро по правам человека и соблюдению законности»

Распространяется бесплатно

Организации-участники

- ОО «Бюро по правам человека и соблюдению законности»
- ОО «Ассоциация родителей детей с ограниченными возможностями» г. Душанбе
- ОО «Доступное право»
- ОО «Женщины-юристы за развитие»
- ОО «Мир права»
- ОО «НАНСМИТ»
- ОО «Национальный союз инвалидов Таджикистана»
- ОО «Право и процветание»
- ОО «Центр по правам человека»
- ОО «Рушди инклюзия»
- ОО «СПИН Плюс»
- ОО «Таджикистанская сеть женщин, живущих с ВИЧ»
- ОО «Фонд развития общества»
- Независимый эксперт Нодира Абдуллоева

При технической поддержке Международной федерации за права человека (FIDH)

СОКРАЩЕНИЯ

БПЧ – Бюро по правам человека и соблюдению законности
ВВП – валовой внутренний продукт
ВИЧ – вирус иммунодефицита человека
ВС – Верховный суд
ГП – Генеральная прокуратура
ГУИУН – Главное управление исполнения уголовных наказаний
ЖЖВ – женщины, живущие с ВИЧ
ИУ – Исправительное учреждение
ЛЖВ – люди, живущие с ВИЧ
МВД – Министерство внутренних дел
МЮ – Министерство юстиции
МОМ – Международная организация по миграции
НПМ – Национальный превентивный механизм
НПО – Неправительственная организация
ОГО – Организация гражданского общества
ОМВД – Отдел министерства внутренних дел
ООН – Организация Объединенных Наций
РФ – Российская Федерация
РТ - Республика Таджикистан
СПИД – синдром приобретенного иммунодефицита
УК – Уголовный кодекс
УПК – Уголовно-процессуальный кодекс
УПЧ – Уполномоченный по правам человека
ФП к КПП – Факультативный протокол к Конвенции ООН против пыток
ЦА – Центральная Азия
ЧАЗ – частное агентство занятости

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТРУДЯЩИЕСЯ МИГРАНТЫ

II. ПРАВО НА ДОСТАТОЧНЫЙ УРОВЕНЬ ЖИЗНИ, ВКЛЮЧАЯ ПРАВО НА ДОСТАТОЧНОЕ ЖИЛИЩЕ

III. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

IV. СВОБОДА ОТ ПЫТОК И ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ

V. ЛИЦА, ОСВОБОДИВШИЕСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

VI. ПРАВА ЛЮДЕЙ, ЖИВУЩИХ С ВИЧ

I. ТРУДЯЩИЕСЯ МИГРАНТЫ.

Масштаб и структурная зависимость от трудовой миграции. Трудовая миграция из Таджикистана носит системный характер, а её высокая концентрация в Российской Федерации (РФ) формирует структурную зависимость, увеличивающую риски для прав мигрантов. Таджикистан относится к числу стран с одним из самых высоких уровней низкоквалифицированной временной трудовой миграции при этом миграционные потоки в подавляющем большинстве направлены в Российскую Федерацию.[1] Основную часть трудящихся мигрантов составляют мужчины, тогда как участие женщин остаётся ограниченным, хотя и демонстрирует постепенный рост. Экономическая значимость трудовой миграции подтверждается масштабами денежных переводов: в последние четыре года их объём достигал до 48% ВВП страны, при этом около 85% переводов поступали из Российской Федерации.[2] Такая концентрация означает, что любые ограничения в стране назначения напрямую трансформируются в массовые социальные и правовые риски для трудящихся мигрантов и значительной части домохозяйств в Таджикистане. При этом по состоянию на конец 2025 года точное число граждан Таджикистана, одновременно проживающих и работающих в Российской Федерации, остаётся неизвестным.[3]

---

[1] **World Bank** (2024). *The Journey Ahead: Supporting Successful Migration in Europe and Central Asia*. Washington, DC: World Bank. https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/15c01ee0-b9ef-4f8a-95a1-8b454f594cf8

[2] **Asian Development Bank** (2025). *Asian Development Outlook, April 2025: Financing the Green Transition*. Manila: ADB. https://www.adb.org/publications/asian-development-outlook-april-2025

[3] **Asia-Plus** (2026). *Полмиллиона или миллион? Сколько таджикских мигрантов работает в России?* 8 января 2026

Публичные оценки существенно расходятся — как между таджикской и российской статистикой, так и между административными и исследовательскими источниками.[4] Отсутствие согласованной и открытой статистики объясняется различиями методологий учёта, институциональной фрагментацией и политической чувствительностью темы. В результате данные о трудовой миграции публикуются нерегулярно, что ограничивает возможности как гражданского общества, так и самих государственных органов оценивать объективно ситуацию и подрывает эффективность управления миграцией, защиту прав граждан за рубежом и прогнозирование социально-экономических рисков.

Управление трудовой миграцией. Несмотря на наличие стратегических документов, нормативной базы и профильных институтов, управление трудовой миграцией в Таджикистане не сформировано как целостная и устойчивая система. В 2023 году была принята Стратегия регулирования миграционных процессов на период до 2040 года, реализован План действий на 2023–2025 годы и начата разработка следующего Плана.[5] Однако отсутствие открытых и сопоставимых данных существенно ограничивает возможности оценки прогресса реализации Стратегии и подотчётности органов, ответственных за её исполнение. Реализация ключевых мероприятий в сфере трудовой миграции в значительной

г.https://asiaplustj.info/news/tajikistan/power/20260108/polmilliona-ili-million-skolko-tadzhikskih-migrantov-rabotaet-v-rossii

[4] Оценки численности таджикских трудящихся мигрантов в РФ существенно расходятся: по данным Таджикистана — 300–500 тыс. человек, по заявлениям российской стороны — свыше 1,2 млн. По данным МОМ, в сентябре 2024 года 618 тыс. граждан Таджикистана выехали на заработки за рубеж, около 98% — в РФ.

[5] **Правительство РТ (2023)** *Стратегия регулирования миграционных процессов в РТ на период до 2040 года.* Постановление № 309 от 30 июня 2023 г.

степени опирается на проекты партнёров и носит фрагментарный характер.[6] Это указывает на устойчивую донорозависимость системы управления трудовой миграцией. Хотя после 2021 года были предприняты отдельные позитивные шаги, они остаются точечными и не компенсируют структурные дефициты управления.[7] На практике это проявляется в том, что даже в кризисных ситуациях реакция государства носит преимущественно реактивный характер и зависит от масштабности инцидента, а не от выстроенных механизмов защиты.

Защита прав трудящихся мигрантов за рубежом. Ужесточение миграционной политики РФ после теракта в «Крокус Сити Холле» в 2024 году выявило структурную неподготовленность консульской защиты.[8] В 2024–2025 годах было зафиксировано наиболее масштабное за последние годы ухудшение ситуации с соблюдением прав мигрантов из Таджикистана в РФ. Оно сопровождалось массовыми проверками и коллективными высылками, произвольными действиями полиции и иных контролирующих органов, а также резким ограничением доступа к легальным каналам трудоустройства.[9] Зафиксирован также рост ксенофобного

---

[6] **Абдуллоева, Н. (2025). Мониторинг прав таджикских трудящихся мигрантов: апрель 2024 – апрель 2025. Неопубликованный отчёт. Душанбе: Международная организация по миграции (МОМ) г.**

[7] В К позитивным, но точечным мерам относятся разработка в 2024 году проекта закона «О трудоустройстве граждан за рубежом», запуск в 2022 году горячей линии на базе ОО «Зеркало» (переданной государству в 2026 году), усиление информационных кампаний по трудовой миграции за пределами РФ (в основном за счёт доноров), а также создание Общественного совета при Миграционной службе и работа по учреждению Социального фонда поддержки мигрантов.

[8] **Putz, C.** (2024). *Before and After the Crocus City Hall Attack: Tajik Migrants in Russia*. The Diplomat, 23 April https://thediplomat.com/2024/04/before-and-after-the-crocus-city-hall-attack-tajik-migrants-in-russia/

[9] **Хамрабаева, Н.** (2025). *Нападения на почве ненависти, ужесточение законов и вербовка на войну: каким был 2025 год для трудовых мигрантов*. Азаттык

насилия, практики унизительных для человеческого достоинства обращений полиции во время полицейских рейдов, и других произвольных ограничений, направленных именно по этническому признаку в отношении граждан Таджикистана или, шире, граждан ЦА.[10] Дополнительным серьёзным риском остаётся практика принуждения мигрантов к участию в войне против Украины. Реакция Республики Таджикистан на данные вызовы носила часто реактивный характер и часто ограничивалась дипломатическими заявлениями и отдельными консульскими вмешательствами. Несмотря на активизацию информационной работы и помощь в отдельных резонансных случаях, система защиты прав мигрантов не обеспечивает системного доступа к правовой помощи. Консульская защита остаётся слабо институционализированной в том числе и в новых странах назначения, куда начали направляться мигранты.

Диверсификация направлений миграции и частные агентства занятости (ЧАЗ). Правительство осознаёт необходимость диверсификации потоков трудовой миграции на фоне ухудшения положения мигрантов в РФ. Однако диверсификация без встроенных гарантий защиты прав мигрантов воспроизводит новые формы уязвимости в странах назначения. По состоянию на начало 2025 года в РТ действовало 41 соглашение в трудовой сфере с 15 странами.[11]

Азия, 31 декабря 2025 г. https://rus.azattyq.org/a/napadeniya-na-pochve-nenavisti-peresmotr-zakonov-i-verbovka-na-voynu-kakim-byl-2025-y-dlya-trudovyh-migrantov-i-chego-ozhidat-v-novom-godu-/33636457.html

[10] **Human Rights Watch** (2025). *Жизнь в страхе и унижении: Положение мигрантов из Центральной Азии в России после теракта в «Крокус Сити Холле»*. https://www.hrw.org

[11] **Караев, С.** (2025). *Глава Минтруда: Таджикистан расширил направления трудовой миграции*. Asia-Plus, 11 февраля 2025г.https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/power/20250211/glava-mintruda-tadzhikistan-rasshiril-napravleniya-trudovoi-migratsii

При этом многие мигранты продолжают выезжать в новые страны по краткосрочным визам через туристические фирмы, что увеличивает риски нарушения их прав. Предвыездная подготовка недостаточно адаптирована к новым направлениям миграции. По данным Министерства труда, на май 2025 года в Таджикистане действовали 30 лицензированных ЧАЗ.[12] В то же время отсутствует отдельный закон о ЧАЗ, прозрачный мониторинг их деятельности и эффективный механизм подачи жалоб. Риски мошенничества при трудоустройстве за рубежом сохраняются.[13] В странах Европы, мигранты из Таджикистана также сталкиваются с эксплуатацией и принудительным трудом в секторе логистики, однако масштабы явления и уровень консульской защиты остаются недостаточно оценёнными.[14]

Женщины-мигранты. Рост участия женщин в трудовой миграции не сопровождается адаптацией миграционной политики и механизмов защиты. За последние четыре года доля женщин среди трудящихся мигрантов колебалась от 12% до 20%.[15] При этом управление миграцией остаётся гендерно-нейтральным - в стратегических документах отсутствуют гендерные индикаторы, а доступная статистика не содержит достаточной детализации для разработки гендерно-чувствительной политики. Женщины, особенно из сельской местности, часто исключены из систем подготовки к миграции

[12]Министерство труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан. (2024). https://mehnat.tj/tg/activity/workmigration

[13]Агентство по борьбе с коррупцией. (2025). Раскрытые факты мошенничества в особо крупном размере. https://www.anticorruption.tj/index.php/ru/informatsionnyj-tsentr/novosti/1496-raskrytye-fakta-moshennichestva-v-osobo-krupnom-razmere.html

[14] **Tvaskienė, J. et al.** (2025). *Central Asian Migrants Flock to Lithuania: Illegal Work, Abuse Follows*. LRT Investigation, 2 April 2025. https://www.lrt.lt/en/news-in-english/19/2526264.

[15] **Абдуллоева, Н. (2025)**

— в части правовой, цифровой и языковой грамотности. Существующие услуги редко адаптированы к условиям множественной дискриминации, в которой находятся женщины. В результате специфические риски женщин-мигрантов системно недостаточно учтены.

РЕКОМЕНДАЦИИ:

1. Обеспечить публичный и регулярный доступ к миграционным данным, включая публикацию агрегированной статистики о численности, статусе и странах назначения трудящихся мигрантов в открытых источниках.
2. Разработать практические протоколы помощи, с чётко описанными процедурами действий для мигрантов и НПО в случаях задержаний, коллективных высылок и депортаций, гендерного насилия и иных кризисных ситуаций.
3. Развивать электронные консульские услуги, повышать специализацию консульских сотрудников по вопросам трудовой миграции и обеспечить системное сотрудничество с НПО и профсоюзами в новых странах назначения.
4. Обеспечить включение в соглашения о трудовой миграции с новыми странами назначения конкретных гарантий защиты прав, с учётом уязвимости женщин-мигрантов и механизмов консульского сопровождения.
5. Интегрировать гендерное измерение в миграционную политику, включая обязательные гендерные индикаторы, дезагрегированную статистику и целевые меры поддержки для женщин-мигрантов, особенно из сельских районов.

II. ПРАВО НА ДОСТАТОЧНЫЙ УРОВЕНЬ ЖИЗНИ, ВКЛЮЧАЯ ПРАВО НА ДОСТАТОЧНОЕ ЖИЛИЩЕ

Несмотря на усилия по сокращению бедности[16] с 2021 по 2025, которая[17] снизилась с 32% (2009) году до 9,1% в 2024 (по международной черте бедности $3,65/день), значительная часть населения Таджикистана остается уязвимой.

Для решения проблем с продовольственной безопасностью приняты стратегии и законы, однако их реализация требует улучшения, так как рост цен (до 4,2% на овощи и 2,7% на фрукты в мае 2025) ведет к недоеданию, особенно среди уязвимых групп, и ставит под вопрос достижение ЦУР.

Таджикистан, в рамках международного десятилетия “Вода для устойчивого развития”[18] активно работает над улучшением водоснабжения и санитарии, имея соответствующее законодательство и планы, включая достижение 90% доступа к водоснабжению к 2040 году и реализацию мер по улучшению санитарных условий.

Только 41% населения имеет доступ к системам питьевого водоснабжения, а к канализации – всего 15%. В сельской местности эти показатели значительно ниже: 22% обеспечены водой, и почти отсутствуют системы водоотведения, вынуждая многих использовать колодцы, родники и дождевую воду.[19]

---

[16] https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=162441&ysclid=md1la44vxd828443511

[17] https://egov.tj/site/innovation/documents/details/118?lang=ru&ysclid=md1lfdw0dz625080596

[18] https://alri.tj/ru/international-decade-for-action-water-for-sustainable-development-2018-2028?ysclid=md1lhqzppt669645462

[19] https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/security/20250710/k-2030-godu-pitevoi-vodoi-budet-obespecheno-72-naseleniya-tadzhikistana-dostizhima-li-eta-tsel

Респонденты[20] оценивают доступ к безопасной питьевой воде и санитарии как средний, ограниченный или очень плохой, отмечая, что наиболее страдают горные и отдаленные районы, сельское население, неформальные поселения и люди с инвалидностью.

Климатические изменения (засухи, повышение температур, таяние ледников) негативно влияют на сельское хозяйство, приводя к нестабильным урожаям и снижению доступности питательных продуктов. Около 47% территории страны подвержены засухе.[21] 2,5 млн детей сталкиваются с периодами аномальной жары, а 2,7 млн испытывают нехватку воды.[22]

Это требует реализации правительственных программ и стратегий, включая Государственную программу питьевого водоснабжения и водоотведения на 2025-2029[23] годы, чтобы к 2030 году обеспечить питьевой водой 72% населения.

В Таджикистане реализуется комплекс мер по стимулированию занятости и защите трудовых прав, включая поддержку предпринимательства[24], в 2025 году принят Закон РТ «О социальном предпринимательстве»; введен мораторий на проверки, Программа поддержки частного сектора и Государственная программа содействия занятости[25] на 2023-2027 годы, а также предприняты шаги по обеспечению бесплатного образования, поддержке профессионального[26]

---

[20] В полуструктурированном интервью приняли участие представители 11 общественных объединений, общественных фондов - юристы, правозащитники, эксперты, активисты.

[21] https://asiaplustj.info/news/tajikistan/security/20231114/oon-pochti-39-zemel-v-tsentralnoi-azii-nahodyatsya-v-sostoyanii-zasuhi

[22] https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/security/20250429/kak-izmenenie-klimata-kradyot-detstvo-u-detei-v-tadzhikistane

[23] https://mmih.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=169392

[24] http://adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=144604

[25] https://mehnat.tj/ru/activity/employment

[26] https://egov.tj/site/mintrud?lang=ru&ysclid=md1lvjazpq169012394

образования[27]. Однако существует различие между официальной статистикой безработицы (1,9% в декабре 2024 года)[28] и оценками Всемирного банка (11,5%)[29], что указывает на неполное отражение реальной ситуации на рынке труда. Основные барьеры для официальной занятости включают низкую заработную плату, недостаток рабочих мест, гендерные барьеры, отсутствие образования/навыков и высокий уровень теневой занятости. Женщины составляют значительную часть официально зарегистрированных безработных (46,3%).[30] В качестве положительного момента можно отметить то, что Перечень работ из 336 наименований на которых было запрещено использование женского труда, был сокращен до 194[31] наименований.

Стратегия развития социальной защиты населения Республики Таджикистан до 2040 года не содержит полного понимания «Права на достаточный жизненный уровень» в соответствии с международными стандартами.

Доступность здорового питания рассматривается лишь для ограниченных групп, таких как беременные женщины, кормящие матери и малообеспеченные семьи с детьми дошкольного возраста.

Наблюдается недостаточная ясность в определении стандартов достаточности жилья (площадь, качество, доступность инфраструктуры, безопасность и т.д.), а также отсутствие

[27] https://www.mfa.tj/ru/bishkek/view/4513/natsionalnaya-strategiya-razvitiya-respubliki-tadzhikistan-na-period-do-2030-goda?ysclid=md1lvpzl6r320922669
[28] https://vecherka.tj/archives/69883
[29] https://www.worldbank.org/en/publication/poverty-prosperity-and-planet
[30] https://egov.tj/site/mintrud/documents/details/174?lang=ru
[31] Постановление Правительства Республики Таджикистан от «30» декабря 2023 года, №568

эффективных гарантий против незаконных выселений и адекватной компенсации или альтернативного жилья.

Недостаточное внимание уделяется потребностям людей с инвалидностью, пожилых людей, этнических меньшинств и других дискриминируемых групп в сфере жилья.

Защита прав людей с инвалидностью слабо реализуется на практике, несмотря на законодательную базу, а Конвенция ООН о правах инвалидов до сих пор не ратифицирована.[32]

Недоедание среди детей и взрослых вызывает серьезное беспокойство.[33] В Таджикистане только 9% детей в возрасте 6-23 месяцев получают питание в соответствии со всеми 3 рекомендованными практиками, а лишь 28% детей этого возраста получают питание с минимальным разнообразием рациона.[34] Доля детей до 5 лет, страдающих от задержки роста (хроническое недоедание), составляет 14%, хотя ситуация в этой категории улучшилась.[35]

Отмечаются возросшие цены на основные продукты питания.[36] До 29-56% домохозяйств в Таджикистане не могут позволить себе достаточно калорийное и питательное питание.

РЕКОМЕНДАЦИИ:

1. Создать единый Реестр регистрации жилья в новостройках. (Повышена прозрачность сделок с недвижимостью; снижены случаи мошенничества и нарушения прав собственников и дольщиков).

---

[32] Конвенция подписана в 2018 году, но не ратифицирована

[33] https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20250303/fao-pomozhet-tadzhikistantsam-borotsya-s-lishnim-vesom

[34] https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2024/07/dhs-key-find-2017-rus.pdf

[35] https://dhsprogram.com/pubs/pdf/PR155/PR155rus.pdf

[38] https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2025/06/doklad-russkij.pdf

2. Разработать практические механизмы предоставления социального жилья для нуждающихся лиц.
3. Предотвращать нарушения права на жилище и гарантировать получение соразмерной компенсации по рыночным ценам.
4. Расширить мероприятия по законодательным гарантиям права на питание и жилье для всех уязвимых групп.
5. Содействовать укреплению продовольственной и водной безопасности, включающей меры по стабилизации цен на продукты питания, поддержке сельского хозяйства и фермеров, ускорению реализации программ водоснабжения и водоотведения с приоритетом для сельских районов, а также активизацию международного сотрудничества для привлечения ресурсов и обмена опытом.
6. Обеспечить имплементацию стратегии занятости, учитывающую рост трудовых ресурсов и гендерные аспекты безработицы.

III. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Мониторинги мест лишения и ограничения свободы

Мониторинговая группа при Омбудсмене

В Республике Таджикистан с 2013 г. создана мониторинговая группа при Уполномоченном по правам человека в РТ по посещению мест лишения и ограничения свободы. От имени гражданского общества деятельность мониторинговой группы до 2019 г. координировалась со стороны ОО «Бюро по правам человека и соблюдению законности». В 2025 г. деятельность мониторинговой группы была возобновлена при поддержке ОО

«Бюро по правам человека и соблюдению законности».[37] В Рабочую группу входят представители государственных органов (Исполнительный аппарат Президента РТ, Министерство иностранных дел, МВД, МЮ, ГУИУН МЮ РТ, Генеральная прокуратура, Минздрав, Минобразования, Верховный суд, УПЧ, Парламент) и БПЧ. В составе мониторинговой группы - 30 человек.

При УПЧ РТ создана Рабочая группа из 12-ти человек, основной целью которой является продвижение ратификации ФП к КПП.

В 2025 году было проведено 20 мониторинговых визитов в места лишения и ограничения свободы. В период с января по март 2026 года было проведено ещё 10 визитов. Эти визиты охватывали различные типы учреждений, включая изоляторы временного содержания, следственные изоляторы, тюрьмы, психиатрические учреждения, наркологические диспансеры, специальный профессионально-технический лицей и колонию-поселение. Мониторинги продолжаются. По результатам уже проведенных мониторингов фактов пыток в отношении заключенных не выявлено.

Все мониторинги были необъявленными, о дате посещения не было известно руководителям и сотрудникам этих учреждений. Для посещения направляется общее письмо в Министерство юстиции, Министерство внутренних дел и другие органы, которым подведомственны места лишения и ограничения свободы, где указывается, что в течение года будут проводиться мониторинги со стороны мониторинговой группы при УПЧ РТ. Но ни даты, ни названия учреждений не указываются.

[37] В рамках финансирования ЕС и софинансирования FCDO.

В мониторинге принимают участие 4 человека – 2 представителя офиса УПЧ РТ и два представителя от общественных организаций. Представители ГУИУН МЮ РТ или МВД РТ при посещении не принимают участие.

Мониторинговая группа ОГО без Омбудсмена

Со стороны ОГО также проводятся независимые мониторинги без участия Уполномоченного по правам человека. ГУИУН МЮ РТ совместно с ОО «Центр по правам человека» в рамках деятельности Коалиции против пыток с 2024-2025 годы провела независимый мониторинг в 10 исправительных учреждениях страны.

Основные проблемы:

Основной проблемой является перенаселенность, усугубляемая недостаточным финансированием пенитенциарной системы со стороны государства и приводящая к ухудшению санитарных и бытовых условий. Данная проблема выявлена как мониторинговой группой при Омбудсмене (УПЧ), так и мониторинговой группой без УПЧ.

ГУИУН МЮ РТ не имеет возможности регулировать количество осужденных, которые попадают в исправительные учреждения, а вынужден справляться с последствиями уголовной политики государства, такими как обеспечение осужденным мест для сна, питания, одежды и условий для поддержания личной гигиены.

Начиная с 2008 года наблюдается постоянная тенденция увеличения тюремного населения. С увеличением тюремного населения исправительных учреждений, бюджетирование со

стороны государства в систему исполнения уголовных наказаний не было пропорциональным.

Увеличение тюремной популяции, кроме влияния на безопасность осужденных и персонала ИУ, ведет к ухудшению бытовых условий.

Недостаточная инфраструктура, плохая вентиляция и отсутствие средств личной гигиены создают риск бесчеловечного обращения.

Персонал исправительных учреждений сталкивается с чрезмерной нагрузкой, низкой оплатой труда, отсутствием отдыха и профессиональной поддержки, что ведет к выгоранию и текучести кадров.

Недостаточное оснащение учреждений необходимым оборудованием, помещениями, условиями труда и безопасности усугубляет ситуацию и ставит под угрозу как сотрудников, так заключенных.

В пенитенциарных учреждениях доступ к медицинскому обслуживанию обеспечен в пределах имеющихся ресурсов, однако остается недостаточным из-за нехватки врачей, лекарств и оборудования. Для решения проблем привлекаются осужденные-врачи и специалисты извне, что создает риски нарушения врачебной тайны.

РЕКОМЕНДАЦИИ:

1. Принимать меры по снижению переполненности пенитенциарных учреждений.
2. Обеспечить заключенных информацией о механизмах и процедурах подачи жалоб.

3. Увеличить число медицинских работников, постепенно отказаться от практики привлечения осужденных врачей.
4. Разработать систему быстрого реагирования на экстренные медицинские случаи.
5. Обеспечить качественное, бесплатное питание.
6. Улучшить санитарно-гигиенические условия и количество туалетов и душевых, предоставлять заключенным минимальный набор гигиенических средств.
7. Принять меры по созданию безопасных и достойных условий труда для сотрудников пенитенциарной системы.

IV. СВОБОДА ОТ ПЫТОК И ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ

Приведение законодательства в соответствие с международными стандартами

В 2021–2025 гг. в Таджикистане принят ряд стратегий и планов по правам человека, включая Национальную стратегию в области прав человека до 2038 г., Планы действий по выполнению рекомендаций договорных органов ООН касательно пыток и жестокого обращения, а также реформы пенитенциарной системы. В законодательство внесены значимые поправки: совершенствовано определение пыток, ужесточены санкции и исключены амнистия и освобождение от ответственности по ст. 143.1 УК РТ «Пытки». В УПК РТ закреплены дополнительные гарантии задержанных (право на адвоката, уведомление семьи, регистрация задержания, ограничения сроков содержания, недопустимость доказательств, полученных под пытками). В Законе «О порядке

и условиях содержания под стражей подозреваемых, обвиняемых и подсудимых» внесены изменения, обеспечивающие права на адвоката и информирование близких. Принят новый Гражданский кодекс, где указывается на полное возмещение вреда и компенсацию морального ущерба жертвам пыток за счет государства. В 2025 г. принят ЗРТ «О единой государственной системе регистрации и учета правонарушений», предусматривающий создание национальной базы данных всех преступлений и административных правонарушений.

С июля 2025 года Рабочая группа из числа судей, адвокатов и представителей гражданского общества разрабатывала проект Пленума Постановления Верховного суда «О возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда, лицам, пострадавшим от пыток, жестокого бесчеловечного или унижающего достоинства обращения и наказания». 20 сентября данный документ был направлен во все министерства и ведомства страны для получения комментариев.

Практика борьбы с пытками

Пытки остаются серьёзной проблемой в Таджикистане. Государство не публикует полные статистические данные по жалобам, расследованиям и компенсациям.

Законодательство указывает на неприемлемость признательных показаний, полученных в результате пыток или других форм жестокого обращения. Тем не менее, отсутствуют механизмы, гарантирующие осуществление этого закона на практике.

Согласно данным УПЧ РТ за 2021–2024 гг. поступило всего 20 обращений, при этом за 2023 год зафиксировано только 1 обращение, а в 2024 – ни одного. УПЧ РТ сообщает в своем докладе, что жалобы были перенаправлены в Генеральную прокуратуру (ГП) РТ и по итогам проверок не нашли своего

подтверждения.[38] Коалиция против пыток за тот же период (2021 – полугодие 2025) зафиксировала 83 обращения, из которых 84% касались действий сотрудников МВД РТ. Жалобы в основном связаны с незаконными задержаниями, избиениями, пытками электрическим током, угрозами сексуального насилия.[39]

Вынесены приговоры сотрудникам правоохранительных органов: 3 (2021 г.), 5 (2023 г.), 3 (2024 г.), в 2025 г – 3 (на ноябрь). По данным Генпрокуратуры РТ в 2025 г. был осуждён на 13 лет лишения свободы заместитель начальника ОМВД г. Душанбе.

Статистика отражает лишь резонансные случаи, а не реальный масштаб проблемы. Характерными остаются инкоммуникадо-содержание, признательные показания под пытками, административные задержания до возбуждения уголовного дела.

Уголовные дела не всегда возбуждаются по статье 143.1 УК РТ, когда совершённые действия имеют признаки состава преступления пытки.

Уголовный кодекс РТ не содержит отдельных статей о «жестоком» или «унижающем достоинство обращении», что приводит к «растворению» таких фактов в иных составах преступлений – «доведение до самоубийства» (статья 109), «злоупотребление должностными полномочиями» (статья 314), «превышение должностных полномочий» (статья 316), «халатность» (статья 322).

Отсутствуют предусмотренные процедуры, позволяющие адвокату инициировать встречу с заключённым по запросу его

[38] Уполномоченный по правам человека в Республике Таджикистан

[39] Данные Коалиции гражданского общества Таджикистана против пыток и безнаказанности

родственников, даже в случае наличия у них сведений о возможном применении к нему пыток или иных форм жестокого обращения.

Примеры резонансных дел-смерть Розикова[40] по время задержания, дело Т.Дустова, К. Ходжаназарова, Х. Едгорова и его матери Ш. Нарзыкуловой, Х. Салехова[41] - демонстрируют отсутствие независимого механизма расследования смертей под стражей, зависимость судебно-медицинских органов, слабую систему компенсаций.

Выплаты жертвам пыток и их семьям несоразмерны ущербу: с 2021 по 2025 гг. подано 7 исков на общую сумму 1 080 000 сомони (115 256,09 USD)[42], присуждено лишь 26 000 (2774,68 USD).[43] Жертвам недоступны такие формы возмещения, как реабилитация и гарантии неповторения. Большинство решений по компенсации морального и материального вреда сводится к выплатам, в десятки и сотни раз ниже заявленных сумм.[44] Отсутствует единая методика расчёта ущерба, суды действуют «по внутреннему убеждению».

Законодательство формально предусматривает возможность независимой экспертизы, но в стране отсутствуют независимые судебно-медицинские учреждения. Экспертизы проводятся с

---

[40] https://rus.ozodi.org/a/32205494.html

[41] Информация проекта «Усиление действий по предотвращению пыток и поддержке правозащитных организаций в Таджикистане», финансируемый Европейской Комиссией и реализованный ХФПЧ и ОО «Право и Процветание» 2020-2022гг. Кейсы освещались в СМИ.

[42] Курс доллара США в сомони приведён по состоянию на июнь 2025 г.

[43] Данные Коалиции гражданского общества Таджикистана против пыток и безнаказанности

[44] В деле Абдукахора Розикова семье вместо запрошенных 400 000 сомони было присуждено лишь 10 000 — всего 2,5% от требуемой суммы. В деле Ёдгорова Хасана, инвалида II группы и жертвы пыток, при заявленной сумме 400 000 сомони морального вреда и 5 949 сомони материального ущерба суд обязал МВД выплатить лишь 5 000 сомони (около 1% от заявленного). В компенсации материального ущерба отказано, реабилитационные меры государством не предусмотрены.

задержкой и под контролем следственных органов, что ведёт к утрате доказательств.
Жертвы под стражей фактически не имеют доступа к своевременной экспертизе. Не выполняются нормы Стамбульского протокола, недостаточно специалистов по Стамбульскому протоколу и психологической экспертизе.

Система реабилитации
Отсутствуют государственные и независимые структуры, предоставляющие полноценную реабилитацию жертвам пыток. Действующие организации ориентированы на жертв домашнего насилия и торговли людьми, зависят от донорских средств и небезопасны для пострадавших. На практике услуги оказывает только Коалиция гражданского общества против пыток и безнаказанности.
Законодательство не содержит понятия «реабилитация жертв пыток»; в Кодексе здравоохранения предусмотрена лишь «медико-социальная реабилитация» для других категорий.

РЕКОМЕНДАЦИИ

А) По укреплению правовых и институциональных механизмов противодействия пыткам

1. Ратифицировать Факультативный протокол и обеспечить реализацию НПМ.
2. Расширить образовательные программы и тренинги для сотрудников государственных органов. Внедрить механизм мониторинга эффективности программ.
3. Создать эффективную, доступную и конфиденциальную систему для получения и рассмотрения жалоб на применение пыток или жестокое обращение во всех местах содержания под стражей.

4. Разработать Концепцию государственной модели по реабилитации жертв пыток и мониторинга на государственном уровне с привлечением международных экспертов.
5. Применять стандарты Стамбульского протокола.

В) По совершенствованию уголовного законодательства в сфере противодействия пыткам

6. Включить статью «Пытки» в перечень преступлений, по которым срок давности привлечения к уголовной ответственности не применяется.
7. Установить уголовную ответственность за воспрепятствование осуществлению адвокатской деятельности.
8. Рассмотреть возможность дополнения Уголовного кодекса РТ отдельными статьями, устанавливающими ответственность за жестокое обращение и унижающее достоинство обращение.

С) по совершенствованию гражданского и гражданского процессуального законодательства в сфере противодействия пыткам

9. Включить в законодательство положения о праве жертв пыток на возмещение, включая справедливую и адекватную компенсацию и реабилитацию. Конкретизировать порядок установления размера компенсации морального вреда.
10. Создать инфраструктуру для реабилитации жертв пыток, выделяя достаточное финансирование.

V. ЛИЦА, ОСВОБОДИВШИЕСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ[45]

Бывшие осужденные сталкиваются с проблемой трудоустройства, отсутствием жилья, отсутствием документов, удостоверяющих личность, проблемами со здоровьем, а также стигмой и дискриминацией. Женщины испытывают двойную дискриминацию по признаку пола и из-за статуса бывшей заключенной.

Освободившиеся лица, как правило, нуждаются в восстановлении документов, удостоверяющих личность (паспортов), так как без паспортов они не могут зарегистрироваться как безработные, получать пособие и устроиться на работу.

При попытках устроиться на работу у бывших осужденных работодатели требуют справку о наличии / отсутствии судимости, хотя закон не предполагает требование таких справок со всех потенциальных соискателей работы или работников. Справки об отсутствии судимости требуются только при трудоустройстве на определенные должности (например, в правоохранительные органы, в воспитательные и образовательные учреждения и некоторые другие). Наличие судимости препятствовало устройству на работу. А безработица и нищета вынуждает некоторых из них вновь совершать

[45] На основании следующей информации: подготовка ко Второму Добровольному национальному обзору РТ, 2022-2023 г; из обращений бывших заключенных в приемные БПЧ, Тематический альтернативный доклад о выполнении Республикой Таджикистан Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин

преступления.[46] Возрастает риск вовлечения в радикальные и экстремистские группировки.

Некоторые бывшие осужденные сообщали о проблемах с жильем, т.к после освобождения им негде жить.

Многие освободившиеся лица имеют проблемы со здоровьем. У некоторых респондентов имеются такие заболевания, как сахарный диабет, туберкулёз, ВИЧ, гипертония, однако, у них нет средств для качественного лечения хронических заболеваний.

РЕКОМЕНДАЦИИ:

1. Принять государственную программу ресоциализации осужденных и освободившихся из мест лишения свободы лиц.
2. Принять Закон РТ О пробации и создать Службу пробации
3. Разработать и утвердить перечень профессий и специальностей, для которых может быть запрошена справка о наличии / отсутствии судимости.
4. Обеспечивать эффективное применение Закона О равенстве и ликвидации дискриминации в отношении бывших осужденных.

VI. ПРАВА ЛЮДЕЙ, ЖИВУЩИХ С ВИЧ

Стигма и дискриминация – это один из самых значительных барьеров для людей с ВИЧ.

[46] Источник: https://news.tj/ru/news/tajikistan/society/20161210/problemi-trudoustroistva-bivshih-zaklyuchennih-v-hatlone

В исследовании[47], проведенном Таджикистанской сетью женщин, живущих с ВИЧ (ЖЖВ), 97% из 100 опрошенных женщин сообщили, что скрывают свой статус от окружающих из-за страха быть отвергнутыми.

Существенными являются и барьеры при доступе к медицинским услугам. Некоторые медицинские услуги для них недоступны, такие как прием гинеколога или стоматолога, которые, как правило, отказывают ЖЖВ в предоставлении услуг. Более половины опрошенных ЖЖВ вынуждены получать разрешение от других членов семьи на посещение медучреждений, особенно в сельской местности и в крупных домохозяйствах, что приводит к задержке лечения и ухудшению психоэмоционального состояния.

Лица, живущие с ВИЧ (ЛЖВ), продолжают преследоваться за поставление в опасность заражения ВИЧ, даже при нулевой вирусной нагрузке, когда риск передачи ВИЧ при сексуальных контактах является минимальным или приравнивается к нулю (Заявление об экспертном консенсусе в отношении научных данных о ВИЧ инфекции в контексте уголовного права[48]).

Количество уголовных дел, рассматриваемых по ч.1 ст. 125 УК РТ (поставление в опасность заражения ВИЧ), растет. По данным Верховного суда РТ, с 2021 по 2023 годы количество уголовных дел по ч.1 ст. 125 УК РТ колебалось от 65 дел в 2021г. до 59 дел в 2023г., то в 2024г. поступило в производство 91 уголовное дело, из них по 79 уголовным делам были вынесены обвинительные приговоры (87%), 7 дел было прекращено в

[47] Услышать неслышимое, исследование среди женщин, живущих с вич, изучение социального и экономического положения женщин, живущих с ВИЧ, через анализ неоплачиваемого домашнего труда, ОО «Таджикистанская сеть женщин, живущих с ВИЧ», 2024 г.

[48] Ф. Барре-Синуси и др. Заявление об экспертном консенсусе в отношении научных данных о ВИЧ- инфекции в контексте уголовного права. 2018.

связи с примирением с потерпевшим либо отказом обвинителя от обвинения.

Данная тенденция возникла уже после того, как в конце 2023г. был принято Постановление Пленума ВС РТ №2 от 26.12.2023г. «О судебной практике по уголовным делам, связанным с заражением вирусом иммунодефицита человека».[49] Пленум ВС РТ признает мировые научные достижения в связи с АРВ терапией, рекомендует судам учитывать неопределяемую вирусную нагрузку и реально давать оценку риску заражения ВИЧ, а также если потерпевший и подсудимый примирились, дело должно прекращаться. И многие другие положительные моменты.

С января 2024г. по сентябрь 2025г. ОО «Центр по правам человека» провел анализ ведения уголовных дел по ст. 125 УК РТ, по которым он нанимал для защиты ЛЖВ адвокатов. За этот период было 28 уголовных дел, из них в отношении 9 мужчин и 19 женщин, 26 дел из которых уже закончены и по ним вынесены приговоры. Как видно, женщины привлекаются к ответственности в 2 раза чаще, чем мужчины.

По части 1 ст. 125 УК РТ из 23 судебных дел, только одно дело было прекращено в связи с примирением сторон. Из оставшихся 22 судебных дел в 20 делах (более 90% вынесенных судебных актах) потерпевшие не имели претензий, но суды нарушили рекомендации Пленума ВС РТ №2 от 26.12.2023г. и вынесли обвинительные приговоры.

В делах о передаче ВИЧ по ч. 2 и 3 ст. 125 УК РТ не проводилась филогенетическая экспертиза ни в одном из дел, по ч.1 ст. 125

[49] https://sud.tj/upload/documents/plenum/2.UD.TJ/39.%20%D2%9A%D0%B0%D1%80%D0%BE%D1%80%D0%B8%20%D0%9F%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%83%D0%BC%D0%B8%20%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B8%20%D0%9E%D0%BB%D3%A3%20%D0%B0%D0%B7%2023.12.2023%20%E2%84%962.pdf

УК РТ не проводилась экспертиза на риски передачи ВИЧ и не учитывалась неопределяемая вирусная нагрузка, что нарушает пункты 28 и 29 Пленума Верховного Суда РТ.

При Министерстве здравоохранения и социальной защиты РТ в 2021г. создана рабочая группа по изменению законодательства в связи с дискриминацией ЛЖВ, но ни один дискриминационный закон не был отменен либо пересмотрен. Не был увеличен возраст детей с ВИЧ с 16 до 18 лет, дающий право на получение пособия, не были отменены Постановления правительства РТ,[50] предусматривающие обязательное тестирование на ВИЧ брачующихся, «О перечне заболеваний, которые не дают права лицам, болеющим ими (включая ВИЧ), обучаться в образовательных медицинских учреждениях»[51], и ППРТ «Об утверждении Перечня заболеваний (включая ВИЧ), при наличии которых лицо не может усыновить ребенка, принять его под опеку (попечительство).[52]

Не разработан правовой механизм выдачи заменителей грудного молока для детей, рожденных от ВИЧ-инфицированных матерей, что продолжает создавать проблему передачи ВИЧ от матери к ребенку.

По данным республиканского центра СПИД, в настоящее время на рассмотрении Парламента находятся поправки в Кодекс здравоохранения, согласно которым планируется внести следующее: «Люди, живущие с вирусом иммунодефицита человека, состоящие на учете в государственных специализированных учреждениях здравоохранения, при принятии антиретровирусной терапии и доведения вирусной нагрузки до неопределяемого состояния, не привлекаются к ответственности за заведомое поставление другого лица в

[50] №374 от 23.08.2016г.
[51] №475 от 25.09.2018 г.
[52] №406 от 01.10.2004 г.

опасность заражения вирусом иммунодефицита человека половым путем», а также увеличить возраст детей, получающих пособие, до 18-ти лет.

Если поправки в Кодекс здравоохранения будут внесены, это потребует внесения поправок и в другие нормативные правовые акты.

РЕКОМЕНДАЦИИ:

1. Обеспечить людям, живущим с ВИЧ, доступ к комплексным медицинским услугам, с учетом особых потребностей женщин.
2. Исключить ч.1 ст.125 УК РТ из Уголовного кодекса РТ и не привлекать ЛЖВ ни к уголовной, ни к административной ответственности за поставление в опасность заражения ВИЧ.
3. Выполнять рекомендации Постановления Пленума ВС РТ «О судебной практике по уголовным делам, связанным с заражением вирусом иммунодефицита человека».[53]
4. Увеличить возраст детей с ВИЧ, имеющих право на получение социального пособия, с 16-ти до 18 лет.
5. Внести изменения в кодекс здравоохранения с целью указания оснований для разработки Порядка выдачи заменителей грудного молока для детей, рожденных от ВИЧ-инфицированных матерей, разработать и принять данный порядок на уровне Правительства РТ.
6. Исключить заболевание ВИЧ, ограничивающие права ЛЖВ на обучение в медицинских учебных учреждения и права на усыновление.

[53] №2 от 26.12.2023г.

UNIVERSAL PERIODIC REVIEW (UPR)
Fourth Cycle

Joint Submission of Civil Society Organizations of Tajikistan

ECONOMIC, SOCIAL RIGHTS AND FREEDOM FROM TORTURE

April 2026

This document has been produced with the financial assistance of the European Union and the Government of Switzerland. The document is based on materials, information, and expert assessments provided by organizations and experts involved in its preparation. The contents of this document are the sole responsibility of the Bureau of Human Rights and Rule of Law as the project beneficiary and can under no circumstances be regarded as reflecting the position of the European Union and the Government of Switzerland.

This document was prepared within the framework of the following projects:

- "Advancing Fundamental Rights: Strengthening Civil Society, Preventing Torture, and Transforming Prisons for Human Rights in Tajikistan", funded by the European Union;
- "Supporting Tajikistan in the implementation of its international human rights obligations: strengthening the engagement of the State and civil society in the UPR process", funded by the Government of Switzerland.

The projects are implemented by the Bureau of Human Rights and Rule of Law.

© Bureau of Human Rights and Rule of Law

For free distribution

Contributing organizations

- PO “Bureau of Human Rights and Rule of Law”
- Association of Parents of Children with Disabilities
- PO “Accessible Right”
- PO “Women Lawyers for Development”
- PO “World of Law”
- NANSMIT
- National Union of Persons with Disabilities of Tajikistan
- PO “Right and Prosperity”
- PO “Rushdi Inclusia”
- PO “SPIN Plus”
- Tajikistan Network of Women Living with HIV
- PO “Foundation for the Development of Society”
- PO “Human Rights Center”
- Independent expert Nodira Abdulloeva

With the technical support of:
International Federation for Human Rights (FIDH)

ABBREVIATIONS

CSO – Civil Society Organization(s)

GDP – Gross Domestic Product

HIV – Human Immunodeficiency Virus

IOM – International Organization for Migration

NPM – National Preventive Mechanism

OPCAT – Optional Protocol to the Convention against Torture

PEA – Private Employment Agencies

PLHIV – Persons Living with HIV

SDGs – Sustainable Development Goals

UN – United Nations

TABLE OF CONTENTS

I. MIGRANT WORKERS

II. THE RIGHT TO AN ADEQUATE STANDARD OF LIVING, INCLUDING THE RIGHT TO ADEQUATE HOUSING

III. HUMAN RIGHTS IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

IV. FREEDOM FROM TORTURE AND ABUSE

V. PERSONS RELEASED FROM DETENTION

VI. THE RIGHTS OF PEOPLE LIVING WITH HIV

I. MIGRANT WORKERS

The scale of and structural dependence on labour migration

Labour migration from Tajikistan is systemic in nature and remains overwhelmingly concentrated in the Russian Federation, creating a structural dependence that heightens risks to the rights and well-being of migrant workers. Tajikistan remains one of the countries with the highest levels of low-skilled temporary labour migration, with the vast majority of outward labour migration directed to the Russian Federation.[54] Men continue to make up the majority of labour migrants, although the participation of women is gradually increasing.

The economic significance of labour migration is reflected in the scale of remittances, which in recent years have reached up to 48 per cent of the country's GDP, with approximately 85 per cent originating from the Russian Federation.[55] This high level of concentration means that restrictions, legal changes, or deteriorating conditions in the main destination country can directly generate serious social, economic, and human rights risks for migrant workers and a significant proportion of households in Tajikistan.

At the same time, as of the end of 2025, the exact number of Tajik citizens living and working in the Russian Federation

---

[54] **World Bank** (2024). *The Journey Ahead: Supporting Successful Migration in Europe and Central Asia*. Washington, DC: World Bank. https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/15c01ee0-b9ef-4f8a-95a1-8b454f594cf8

[55] **Asian Development Bank** (2025). *Asian Development Outlook, April 2025: Financing the Green Transition*. Manila: ADB. https://www.adb.org/publications/asian-development-outlook-april-2025

remains unclear.[56] Publicly available estimates vary significantly between Tajik and Russian official data, as well as between administrative and research sources.[57] The absence of consistent, transparent, and comparable statistics is linked to differences in methodologies, institutional fragmentation, and the political sensitivity of the issue. As a result, labour migration data are published irregularly, limiting the ability of both civil society and State institutions to assess migration trends objectively, protect the rights of citizens abroad, and anticipate related socio-economic risks.

Labour migration management

Despite the existence of strategic documents, a regulatory framework, and specialized institutions, Tajikistan has not yet established a comprehensive and sustainable system for labour migration management**.** In 2023, the Strategy for Regulating Migration Processes for the Period up to 2040 was adopted, and the Action Plan for 2023–2025 was launched, with work reportedly under way on the next implementation plan. [58] However, the lack of open and comparable data significantly limits the assessment of progress and weakens the accountability of the institutions responsible for implementation.

---

[56] **Asia-Plus** (2026). *Half a million or a million? How many Tajik migrants work in Russia?* 8 January 2026 г.https://asiaplustj.info/news/tajikistan/power/20260108/polmilliona-ili-million-skolko-tadzhikskih-migrantov-rabotaet-v-rossii

[57] Estimates of the number of Tajik migrant workers in Russia vary significantly: according to Tajikistan, there are 300,000–500 000 people, while according to Russian authorities, there are over 1.2 million. According to IOM data, in September 2024, 618 000 Tajik citizens left to work abroad, with about 98% going to Russia.

[58] **Government of the Republic of Tajikistan's (2023) Strategy for Regulating Migration Processes in the Republic of Tajikistan for the period up to 2040. Resolution No. 309 of June 30, 2023.**

The implementation of key measures in the field of labour migration continues to rely heavily on externally funded partner projects and remains fragmented in nature. [59] This indicates the continued donor dependence of the labour migration governance system. Although some positive steps have been taken since 2021, these remain sporadic and have not yet addressed the underlying structural shortcomings in migration governance. [60]

Protecting migrant workers' rights abroad

The tightening of migration policies in the Russian Federation following the terrorist attack at Crocus City Hall in 2024 exposed serious structural weaknesses in the system for protecting the rights of Tajik migrant workers abroad. [61] During 2024–2025, the situation of migrants from Tajikistan in the Russian Federation reportedly deteriorated significantly, marking one of the most serious regressions in recent years. Reports documented mass identity checks, collective deportations, arbitrary actions by police and migration control authorities, and growing barriers to regular and lawful employment. [62]

---

[59] **Abdulloeva, N. (2025). Monitoring the rights of Tajik migrant workers: April 2024 – April 2025. Unpublished report. Dushanbe: International Organization for Migration (IOM).**

[60] Positive, but sporadic measures include drafting a bill on employment of citizens abroad in 2024, launching a hotline in 2022 based on the PO "Zerkalo" (transferred to the state in 2026), intensifying information campaigns on labour migration outside the Russian Federation (mainly at the expense of donors), as well as the creating a Public Council under the Migration Service and working on the establishment of a Social Fund to support migrants.

[8] Putz, C. (2024). *Before and After the Crocus City Hall Attack: Tajik Migrants in Russia*. The Diplomat, 23 April https://thediplomat.com/2024/04/before-and-after-the-crocus-city-hall-attack-tajik-migrants-in-russia/

[62] Khamrabaeva, N. (2025). Hate Crimes, Tougher Laws, and Recruitment for War: What 2025 was like for Migrant Workers. Azattyk Asia, December 31, 2025. https://rus.azattyq.org/a/napadeniya-na-pochve-nenavisti-peresmotr-zakonov-i-verbovka-na-voynu-kakim-byl-2025-y-dlya-trudovyh-migrantov-i-chego-ozhidat-v-novom-godu-/33636457.html

At the same time, migrants from Tajikistan and, more broadly, citizens of Central Asian States have reportedly been subjected to increasing xenophobic violence, ethnic profiling, degrading and humiliating treatment during police raids, and other arbitrary restrictions. [63] Another serious and persistent concern is the reported coercion or pressure exerted on migrants to participate in the war against Ukraine.

Tajikistan's response to these developments has largely remained reactive and limited to diplomatic statements and ad hoc consular interventions. While some efforts have been made to provide information on rights and to intervene in individual high-profile cases, the current system for the protection of migrant workers does not ensure systematic access to legal assistance, emergency support, or effective remedies. Consular protection remains insufficiently institutionalized, including in emerging destination countries where Tajik migrants have increasingly begun to seek employment.

Diversification of migration destinations and private employment agencies (PEA)

The Government has recognized the need to diversify labour migration destinations in light of the deteriorating conditions faced by migrants in the Russian Federation. However, diversification in the absence of adequate rights-based safeguards risks reproducing new forms of vulnerability in alternative destination countries.

[63] **Human Rights Watch** (2025). *Life in Fear and Humiliation: The Situation of Migrants from Central Asia in Russia after the Terrorist Attack at Crocus City Hall.* https://www.hrw.org

As of early 2025, Tajikistan reportedly had 41 labour agreements in force with 15 countries. [64] Nevertheless, many migrants continue to travel to new destination countries on short-term visas arranged through travel agencies, which increases the risk of irregular status, labour exploitation, and other rights violations. Pre-departure information and training remain insufficiently adapted to the legal, linguistic, and labour conditions of these newer destinations.

According to the Ministry of Labour, [65] as of May 2025, 30 licensed private employment agencies were operating in Tajikistan. However, there is still no dedicated legal framework regulating the activities of private employment agencies, no transparent system for monitoring their operations, and no effective complaints mechanism for migrant workers. As a result, the risks of recruitment abuse, employment fraud, and exploitation abroad remain significant. [66] Reports also indicate that migrants from Tajikistan in some European countries may face exploitation and forced labour, particularly in the logistics sector, although the scale of these abuses and the level of consular response remain insufficiently documented. [67]

---

[64] **Karaev, S. (2025). Minister of Labour: Tajikistan has Expanded Labour Migration Destinations. Asia-Plus, February 11, 2025.**https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/power/20250211/glava-mintruda-tadzhikistan-rasshiril-napravleniya-trudovoi-migratsii

[65]Ministry of Labour, Migration, and Employment of the Republic of Tajikistan. (2024). https://mehnat.tj/tg/activity/workmigration

[66]Anti-Corruption Agency. (2025). Disclosed Facts of Fraud on an Especially Large Scale. https://www.anticorruption.tj/index.php/ru/informatsionnyj-tsentr/novosti/1496-raskrytye-fakta-moshennichestva-v-osobo-krupnom-razmere.html

[67] **Tvaskienė, J. et al.** (2025). *Central Asian Migrants Flock to Lithuania: Illegal Work, Abuse Follows*. LRT Investigation, 2 April 2025. https://www.lrt.lt/en/news-in-english/19/2526264.

Migrant women

The increase in women's participation in labour migration has not been accompanied by corresponding adjustments in migration policy or protection mechanisms. Over the past four years, the proportion of women among migrant workers has fluctuated between 12 and 20 per cent. [68] However, migration governance remains largely gender-neutral: strategic documents do not include gender-specific indicators, and the available statistical data is insufficiently disaggregated to support the development of gender-responsive policies.

Women, particularly those from rural areas, are often excluded from migration preparation and support systems due to limited legal awareness, digital literacy, and language skills. Existing services are rarely adapted to address the multiple and intersecting forms of discrimination and vulnerability that women may face. As a result, the specific risks affecting women migrant workers continue to be systematically overlooked and underestimated.

Recommendations:

1. Ensure regular and publicly accessible publication of migration data, including aggregated and disaggregated statistics on the number, status, and destination countries of migrant workers.
2. Develop and institutionalize practical assistance protocols for migrant workers, with clear procedures for State institutions, migrants, and civil society organizations in cases of detention, collective expulsion,

[68] Abdulloeva**, N. (2025)**

deportation, gender-based violence, and other crisis situations.

3. Strengthen consular protection for migrant workers by expanding electronic consular services, enhancing the capacity of consular staff on labour migration and migrant rights, and ensuring systematic cooperation with civil society organizations and trade unions in both traditional and new destination countries.
4. Ensure that labour migration agreements with destination countries include specific and enforceable safeguards for the protection of migrant workers' rights, including gender-sensitive provisions and mechanisms for consular support and assistance.
5. Integrate a gender-responsive approach into migration policy and governance, including through the use of mandatory gender indicators, disaggregated statistics, and targeted support measures for women migrant workers, particularly those from rural areas.

II. THE RIGHT TO AN ADEQUATE STANDARD OF LIVING, INCLUDING THE RIGHT TO ADEQUATE HOUSING

According to official data[69], poverty declined[70] from 32 per cent in 2009 to 9.1 per cent in 2024, based on the international poverty line of USD 3.65 per day. However, structural

[69] https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=162441&ysclid=md1la44vxd828443511

[70] https://egov.tj/site/innovation/documents/details/118?lang=ru&ysclid=md1lfdw0dz625080596

deprivation persists, particularly among rural populations, women, children, persons with disabilities, and other marginalized groups.

Tajikistan has adopted strategies and legal measures to strengthen food security and improve living conditions. However, implementation challenges remain. Rising food prices continue to affect household food security, particularly among vulnerable groups. In May 2025, prices increased by up to 4.2 per cent for vegetables and 2.7 per cent for fruit, reducing access to nutritious food and raising concerns regarding progress toward the Sustainable Development Goals.

Access to safe drinking water and sanitation remains inadequate, particularly in rural and remote areas. Tajikistan has taken important steps in this area, including through legal and policy measures adopted within the framework of the International Decade for Action "Water for Sustainable Development." [71] National targets include expanding access to drinking water and improving sanitation infrastructure. Nevertheless, only 41 per cent of the population currently has access to drinking water systems, and only 15 per cent has access to sewage systems. [72] In rural areas, access is substantially lower, with only 22 per cent of the population connected to water systems and very limited access to sewage infrastructure. Many households continue to rely on wells, springs, or rainwater. Respondents describe access to safe drinking water and sanitation as moderate, limited, or

[71] https://alri.tj/ru/international-decade-for-action-water-for-sustainable-development-2018-2028?ysclid=md1lhqzppt669645462
[72] https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/security/20250710/k-2030-godu-pitevoi-vodoi-budet-obespecheno-72-naseleniya-tadzhikistana-dostizhima-li-eta-tsel

very poor, particularly in mountainous and hard-to-reach areas, informal settlements, and for persons with disabilities. [73]

Climate change is further exacerbating these challenges. Droughts, rising temperatures, and glacier melt are negatively affecting agriculture, reducing crop stability and limiting the availability of nutritious foods. Approximately 47 per cent of the country's territory is considered prone to drought.[74] It is estimated that 2.5 million children are exposed to periods of extreme heat and 2.7 million experience water shortages.[75] These trends underscore the urgency of effective implementation of national programmes, including the State Programme for Drinking Water Supply and Sanitation for 2025–2029,[76] which aims to provide 72 per cent of the population with access to drinking water by 2030.

Tajikistan has also introduced a number of measures aimed at promoting employment and labour rights, including support for entrepreneurship,[77] vocational training, and private sector development. In 2025, the Republic of Tajikistan adopted the Law "On Social Entrepreneurship." A moratorium on inspections, a Private Sector Support Programme, and the State Employment Promotion Programme for 2023–2027[78] have also been introduced. However, serious concerns remain regarding access to decent work. There is a notable discrepancy between

---

[73] A semi-structured interview involved the participation of representatives of 11 civil society associations, public foundations - jurists, human rights defenders, experts, and activists.

[74] https://asiaplustj.info/news/tajikistan/security/20231114/oon-pochti-39-zemel-v-tsentralnoi-azii-nahodyatsya-v-sostoyanii-zasuhi

[75] https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/security/20250429/kak-izmenenie-klimata-kradyot-detstvo-u-detei-v-tadzhikistane

[76] https://mmih.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=169392

[77] http://adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=144604

[78] https://mehnat.tj/ru/activity/employment

official unemployment figures (1.9 per cent in December 2024)[79] and external estimates, including the World Bank's assessment of 11.5 per cent,[80] suggesting that labour market exclusion may be significantly underreported. Key barriers to formal employment include low wages, limited job opportunities, gender-based barriers, insufficient education and skills, and the high prevalence of informal work. **Women constitute a significant proportion of officially registered unemployed persons (46.3 per cent).**[81] **As a positive development, the list of occupations prohibited for women has been reduced from 336 to 194.** [82]

Social protection and housing frameworks remain insufficiently aligned with international human rights standards. The Strategy for the Development of Social Protection in Tajikistan up to 2040 does not fully reflect the right to an adequate standard of living. Access to healthy food is limited to certain groups, including pregnant women, nursing mothers, and low-income families with preschool-age children. Standards for adequate housing—including requirements relating to space, quality, accessibility, infrastructure, and safety—remain insufficiently defined. Safeguards against unlawful evictions and guarantees of compensation or alternative housing also remain inadequate. Insufficient attention is paid to the housing needs of persons with disabilities, older persons, ethnic minorities, and other groups facing discrimination.

The protection of the rights of persons with disabilities remains weak in practice, despite the existence of a legislative

[79] https://vecherka.tj/archives/69883
[80] https://www.worldbank.org/en/publication/poverty-prosperity-and-planet
[81] https://egov.tj/site/mintrud/documents/details/174?lang=ru
[82] Governmental Resolution of the Republic of Tajikistan dated 30 December 2023, №568

framework, and Tajikistan has yet to ratify the Convention on the Rights of Persons with Disabilities.[83]

Malnutrition among both children and adults remains a serious concern. [84] In Tajikistan, only 9 per cent of children aged 6–23 months receive diets meeting all three recommended infant and young child feeding practices, and only 28 per cent receive food with minimum dietary diversity. [85] Fourteen per cent of children under the age of five are affected by stunting, indicating chronic malnutrition, although some progress has been made in reducing its prevalence. [86] More broadly, it is estimated that between 29 and 56 per cent of households in Tajikistan are unable to afford sufficiently caloric and nutritious food.[87]

Recommendations:

1. Establish a unified and transparent housing registration system for newly constructed residential buildings in order to strengthen legal certainty, increase transparency in real estate transactions, and reduce fraud and violations of the rights of owners and co-investors.
2. Develop and implement practical mechanisms for the provision of social housing to persons and families in need, with particular attention to vulnerable and marginalized groups.

[83] The Convention was signed 2018, but not ratified.
[84] https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20250303/fao-pomozhet-tadzhikistantsam-borotsya-s-lishnim-vesom
[85] https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2024/07/dhs-key-find-2017-rus.pdf
[86] https://dhsprogram.com/pubs/pdf/PR155/PR155rus.pdf
[87] https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2025/06/doklad-russkij.pdf

3. Strengthen legal and procedural safeguards against violations of the right to housing, including by ensuring access to effective remedies, protection against unlawful eviction, and adequate compensation at market value where displacement occurs.
4. Expand legislative and policy guarantees for the rights to adequate food and adequate housing, ensuring that these protections are accessible to all vulnerable groups without discrimination.
5. Strengthen food and water security through measures aimed at stabilizing food prices, supporting sustainable agriculture and farmers, accelerating the implementation of drinking water supply and sanitation programmes—particularly in rural areas—and enhancing international cooperation to mobilize resources and technical expertise.
6. Ensure the effective implementation of employment policies and strategies that respond to labour force growth and address structural barriers to employment, including gender-based disparities in access to decent work.

III. HUMAN RIGHTS IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Monitoring of Places of Deprivation of Liberty

Monitoring Group under the Ombudsman

In 2013, a monitoring group was established in the Republic of Tajikistan under the Human Rights Ombudsman to conduct visits to places of deprivation of liberty. On the civil society side, the work of the group was coordinated by the PO “Bureau of

Human Rights and Rule of Law" until 2019. In 2025, the monitoring group resumed its activities with the support of the same organization.[88]

The monitoring mechanism includes representatives of a wide range of State institutions, including the Executive Office of the President of the Republic of Tajikistan, the Ministry of Foreign Affairs, the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of Justice, the General Directorate for the Implementation of Human Rights and Fundamental Freedoms under the Ministry of Justice, the Prosecutor General's Office, the Ministry of Health, the Ministry of Education, the Supreme Court, the Parliament, and the Office of the Human Rights Ombudsman. In total, the monitoring group consists of 30 members.

In parallel, the Human Rights Ombudsman's Office has established a separate working group of 12 members with the stated objective of promoting the ratification of the Optional Protocol to the Convention against Torture (OPCAT).

In 2025, a total of 20 monitoring visits were conducted to places of deprivation and restriction of liberty. Between January and March 2026, a further 10 visits were carried out. These visits covered a range of facilities, including temporary detention facilities, pre-trial detention centres, prisons, psychiatric institutions, narcological dispensaries, a Special Vocational and Technical Lyceum, and colony-settlements. Monitoring activities remain ongoing. According to the information available, no cases of torture were identified during the visits conducted to date.

[88] With EU funding and FCDO co-financing

The visits were reportedly unannounced. The administrations and staff of the institutions visited were not informed in advance of the date of the visit. Instead, a general notification letter is sent annually to the Ministry of Justice, the Ministry of Internal Affairs, and other relevant authorities indicating that monitoring visits may take place during the year, without specifying the institutions concerned or the dates of such visits.

Each monitoring visit is carried out by a four-person team, typically composed of two representatives of the Ombudsman's Office and two representatives of civil society organizations. Representatives of the Ministry of Internal Affairs or the Main Directorate for the Execution of Criminal Sentences under the Ministry of Justice do not participate in the visits.

CSO Monitoring Groups without the Ombudsman

In addition to the Ombudsman-led mechanism, civil society organizations also conduct monitoring activities outside that framework. Between 2024 and 2025, monitoring visits to 10 correctional institutions were carried out by the PO "Human Rights Center" in cooperation with the Main Directorate for the Execution of Criminal Sentences under the Ministry of Justice, within the framework of the Coalition Against Torture.

Main Concerns

A major and persistent concern within the penitentiary system is overcrowding, which is compounded by insufficient State funding and contributes to the deterioration of sanitary and living conditions in places of detention. This issue has been identified both by the monitoring group operating under the Human Rights

Ombudsman and by monitoring initiatives conducted outside that framework.

The Main Directorate for the Execution of Criminal Sentences under the Ministry of Justice does not control the number of persons sentenced to imprisonment and must instead manage the consequences of broader criminal justice policies, including the obligation to provide detainees and convicted persons with adequate sleeping space, food, clothing, and access to basic hygiene.

Since 2008, the prison population has shown a steady upward trend, while State budget allocations to the penitentiary system have not increased proportionately. This imbalance has contributed to overcrowding and has had a negative impact on detention conditions, as well as on the safety and well-being of both detainees and staff.

Inadequate infrastructure, poor ventilation, and insufficient access to personal hygiene facilities create conditions that may amount to degrading or inhuman treatment. Staff working in correctional institutions also face serious challenges, including excessive workloads, low salaries, insufficient rest, and a lack of professional and psychosocial support, all of which contribute to burnout and high staff turnover. The shortage of premises, equipment, safe working conditions, and basic infrastructure further exacerbates risks for both staff and detainees.

Access to medical care in penitentiary institutions is provided only within the limits of available resources and remains inadequate due to shortages of qualified medical personnel, medicines, and medical equipment. In some cases, convicted medical professionals and external specialists are reportedly involved in providing care. This practice may raise concerns

regarding medical ethics and the confidentiality of health information.

Recommendations:

1. Take measures to reduce overcrowding in penitentiaries.
2. Provide inmates with information about the mechanisms and procedures for filing complaints.
3. Increase the number of medical workers; gradually abandon the practice of employing convicted medical doctors.
4. Develop a rapid reaction system for medical emergencies.
5. Provide quality, free nutrition.
6. Improve sanitary conditions and the number of toilets and showers, and provide prisoners with a minimum set of hygiene products.
7. Take measures to create safe and decent working conditions for staff in the penitentiary system.

IV. FREEDOM FROM TORTURE AND ABUSE

Aligning Legislation with International Standards

Between 2021 and 2025, Tajikistan adopted a number of important human rights strategies and action plans, including the National Human Rights Strategy up to 2038, action plans for the implementation of recommendations issued by United Nations treaty bodies in relation to torture and ill-treatment, and reform measures concerning the penitentiary system.

Significant amendments were also introduced to national legislation. The legal definition of torture was further refined,

criminal sanctions were strengthened, and the possibility of amnesty or exemption from criminal liability for acts falling under Article 143.1 of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan ("Torture") was removed.

The Code of Criminal Procedure was amended to provide additional safeguards for persons deprived of liberty, including the right to legal counsel, notification of family members, formal registration of detention, limits on the duration of detention, and the inadmissibility of evidence obtained through torture. Amendments were also introduced to the Law on the Procedure and Conditions for the Detention of Suspects, Accused Persons, and Defendants, further reinforcing guarantees related to access to a lawyer and notification of relatives.

In addition, the newly adopted Civil Code provides for full compensation for material and moral harm suffered by victims of torture, to be paid by the State. In 2025, Tajikistan also adopted the Law "On the Uniform State System for the Registration and Accounting of Offences," which provides for the establishment of a national database covering criminal and administrative offences.

Since July 2025, a working group composed of judges, lawyers, and representatives of civil society has been drafting a Resolution of the Plenum of the Supreme Court entitled "On Compensation for Material Damage and Moral Harm to Persons Who Have Suffered from Torture or Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment." On 20 September 2025, the draft was circulated to all relevant ministries and State bodies for comments.

Experience in fighting torture

Torture and other forms of ill-treatment remain a serious concern in Tajikistan. The State does not publish comprehensive and disaggregated statistics on complaints, investigations, prosecutions, convictions, and compensation in cases involving torture and ill-treatment.

Although national legislation provides that confessions and other evidence obtained through torture or ill-treatment are inadmissible, effective mechanisms to ensure the practical enforcement of this safeguard remain insufficient.

According to data from the Human Rights Ombudsman's Office for the period 2021–2024, only 20 complaints concerning torture or ill-treatment were registered, including only one complaint in 2023 and none in 2024. According to the same source, these complaints were transmitted to the Prosecutor General's Office and were subsequently dismissed following review.[89] By contrast, during the period from 2021 to mid-2025, the Coalition Against Torture documented 83 complaints, 84 per cent of which concerned the actions of officers of the Ministry of Internal Affairs. Reported allegations primarily involved unlawful detention, beatings, electric shocks, and threats of sexual violence. [90]

Official accountability remains limited. According to available information, the number of convictions of law enforcement officials for torture-related offences was three in 2021, five in 2023, three in 2024, and three as of November 2025. The

[89] Commissioner for Human Rights in the Republic of Tajikistan

[90] Data from the Tajikistan Civil Society Coalition Against Torture and Impunity

Prosecutor General's Office has also reported that, in 2025, the deputy head of a district department of the Ministry of Internal Affairs in Dushanbe was sentenced to 13 years' imprisonment. However, available statistics appear to reflect only a limited number of high-profile cases and do not capture the likely scale of the problem in practice.

Incommunicado detention, administrative detention prior to the initiation of criminal proceedings, and the extraction of confessions under coercion reportedly remain persistent concerns. Criminal proceedings are also not always initiated under Article 143.1 of the Criminal Code ("Torture"), even where the alleged conduct appears to meet the legal elements of that offence. In addition, the Criminal Code does not contain separate offences covering cruel, inhuman, or degrading treatment or punishment, with the result that such acts may instead be prosecuted under other provisions, including those relating to abuse of authority (Article 314), exceeding official powers (Article 316), negligence (Article 322), or driving a person to suicide (Article 109).

Important procedural and institutional gaps also remain. There are no procedures allowing a lawyer to obtain prompt access to a detainee or prisoner at the request of family members where there are credible concerns of torture or ill-treatment. A number of emblematic cases—including the death of Rozikov[91] during arrest and the cases of T. Dustov, K. Khodzhanazarov, Kh. Yedgorov and his mother Sh. Narzykoolova, and Kh. Salekhov[92]—raise concerns regarding the absence of an

[91] https://rus.ozodi.org/a/32205494.html

[92] Information on the project "Strengthening actions to prevent torture and support human rights organizations in Tajikistan," funded by the European Commission and implemented by the Human Rights Foundation of Tajikistan and PO "Law and Prosperity" in 2020-2022. The cases were covered in the media.

independent mechanism for investigating deaths in custody, the lack of independence of forensic medical expertise, and the inadequacy of available remedies.

Access to compensation remains particularly weak. Between 2021 and 2025, seven compensation claims were reportedly filed in torture-related cases for a total of 1,080,000 somoni (approximately USD 115,256),[93] yet only 26,000 somoni (approximately USD 2,775) was awarded.[94] Victims generally do not have access to the full range of reparations required under international standards, including rehabilitation, satisfaction, and guarantees of non-repetition. Awards for material and moral damages are often substantially lower than the amounts claimed[95], and there is no clear or consistent methodology for assessing damages.

Although the law formally allows for independent expert examination, there are no genuinely independent forensic medical institutions in the country. Delays in conducting examinations, combined with the institutional dependence of forensic services on investigative authorities, create a serious risk of loss or deterioration of evidence. Persons deprived of liberty often do not have timely access to independent medical or psychological assessment. As a result, the standards of the Istanbul Protocol are not consistently applied, and the number of

[93] The US dollar/somoni exchange rate is given as it was in June 2025

[94] Data from the Tajikistan Civil Society Coalition Against Torture and Impunity

[95] In the case of Abdukhakhor Rozikov, the family was awarded only 10 000 somoni instead of the requested 400 000 somoni—only 2.5% of the amount requested. In the case of Yodgorov Hasan, a disabled person (group II disability) and a victim of torture, with the claimed amount of 400 000 somoni for moral damages and 5949 somoni for material damages, the court ordered the Interior Ministry to pay only 5000 somoni (about 1% of the claimed amount). Compensation for material damage was denied; and the state does not provide for any rehabilitation measures.

qualified specialists trained in its use, including psychological experts, remains insufficient.

Rehabilitation System

There are no state or independent structures providing comprehensive rehabilitation to victims of torture. Existing organizations focus on victims of domestic violence and human trafficking, depend on donor funding, and are unsafe for victims. In practice, only the Civil Society Coalition Against Torture and Impunity provides services.

Legislation does not contain the concept of "rehabilitation for torture victims;" the Health Code only has "medical and social rehabilitation" for other categories.

Recommendations:

A) On strengthening legal and institutional mechanisms to combat torture:

11. Ratify the Optional Protocol and ensure the implementation of the NPM.
12. Expand educational programs and training for government employees. Introduce a mechanism for monitoring program effectiveness.
13. Establish an effective, accessible, and confidential system for receiving and investigating complaints of torture or abuse in all places of detention.
14. Develop a Concept for a state model of rehabilitation for victims of torture and state-level monitoring, with the involvement of international experts.
15. Apply standards of the Istanbul Protocol.

B) On honing criminal legislation in the field of combating torture:

16. Include the article "Torture" in the list of crimes, for which the statute of limitations for criminal prosecution does not apply.
17. Establish criminal liability for obstructing the work of lawyers.
18. Consider the possibility of supplementing the Criminal Code of the Republic of Tajikistan with separate articles establishing liability for abuse and degrading treatment.

C) On improving civil and civil procedural legislation to fight torture:

19. Incorporate provisions into legislation on the right to redress for victims of torture, including fair and adequate compensation and rehabilitation. Specify the procedure for determining the amount of compensation for moral damages.
20. Establish infrastructure for the rehabilitation of victims of torture, allocating sufficient funding.

V. PERSONS RELEASED FROM DETENTION[96]

Former prisoners in Tajikistan continue to face serious barriers to social reintegration after release, including difficulties in accessing employment, housing, identity documents, healthcare, and social support, as well as persistent stigma and

[96] Based on the following information: preparation for the Second Voluntary National Review of Tajikistan, 2022-2023; appeals from former prisoners to the Human Rights Defender's Bureau, Thematic Alternative Report on the Implementation of the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women by the Republic of Tajikistan.

discrimination. Women released from detention face particular challenges due to the intersection of gender-based discrimination and the stigma associated with prior imprisonment.

One of the immediate barriers faced by many persons upon release is the lack of valid identity documents. In practice, former prisoners often need to re-obtain their passports following release. Without identity documents, they are unable to register as unemployed, access social benefits, or seek formal employment.

Employment is further hindered by discriminatory practices. Former prisoners reported that employers frequently require them to present a certificate confirming the absence of a criminal record, even though such certificates are only legally required for certain categories of employment[97], such as positions in law enforcement, educational institutions, and other specific sectors. In practice, a criminal record remains a major obstacle to obtaining work. The resulting unemployment and poverty significantly undermine reintegration prospects and may increase the risk of reoffending or exposure to other forms of social vulnerability, including exploitation and recruitment into extremist or criminal networks.

Housing also remains a major concern. Some former prisoners reported having no stable place of residence upon release, leaving them at heightened risk of homelessness and further marginalization.

Health needs among persons released from detention are also significant. Many former prisoners reportedly leave detention with chronic or serious health conditions, including diabetes,

---

[97] Source: https://news.tj/ru/news/tajikistan/society/20161210/problemi-trudoustroistva-bivshih-zaklyuchennih-v-hatlone

tuberculosis, HIV, and hypertension, but lack access to affordable and adequate medical treatment after release.

Recommendations:

1. Adopt a state program for the re-socialization of former convicts and persons released from detention centers.
2. Pass a national law on probation and establish a probation Service.
3. Draw up and approve a list of professions and specialties, for which a certificate of criminal record/certificate attesting to a record with no criminal convictions may be requested.
4. Ensure effective implementation of the Equality and Elimination of Discrimination against Former Convicts Act.

VI. THE RIGHTS OF PERSONS LIVING WITH HIV

Stigma and discrimination remain among the most significant barriers faced by persons living with HIV in Tajikistan.

According to a study[98] conducted by the Tajikistan Network of Women Living with HIV, 97 per cent of the 100 women surveyed reported concealing their HIV status from those around them for fear of rejection and discrimination. Barriers to accessing health services also remain substantial. Women living with HIV reportedly continue to face discrimination in healthcare settings, including refusal of services such as

[98] Hearing the Unheard: A Study Among Women Living with HIV, Examining the Social and Economic Situation of Women Living with HIV Through an Analysis of Unpaid Domestic Labour, Tajikistan Network of Women Living with HIV, 2024.

gynaecological and dental care. More than half of the women surveyed indicated that they must obtain permission from family members before seeking medical care, particularly in rural areas and in large households, resulting in delays in treatment and negative consequences for their physical and mental well-being.

At the same time, persons living with HIV continue to face criminal prosecution for exposing others to HIV infection, including in situations where the risk of transmission during sexual contact is negligible or effectively absent due to an undetectable viral load, as recognized in the Expert Consensus Statement on Scientific Evidence on HIV in the Context of Criminal Law.[99]

According to data from the Supreme Court of the Republic of Tajikistan, the number of criminal cases brought under Part 1 of Article 125 of the Criminal Code ("knowingly placing another person at risk of HIV infection") has increased in recent years. Between 2021 and 2023, the number of such cases ranged from 65 in 2021 to 59 in 2023, before rising sharply to 91 cases in 2024. Of these, 79 resulted in convictions (87 per cent), while 7 cases were discontinued due to reconciliation with the victim or withdrawal of charges.

This trend has persisted despite the adoption of Resolution No. 2 of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Tajikistan on 26 December 2023, "On judicial practice in criminal cases related to HIV transmission".[100] The Plenum recognizes international scientific advances in antiretroviral therapy, recommends that courts take into account

---

[99] F. Barre-Sinoussi et al. Statement of expert consensus on scientific data on HIV infection in the context of criminal law. 2018.

[100] https://sud.tj/upload/documents/plenum/2.UD.TJ/39.%20%D2%9A%D0%B0%D1%80%D0%BE%D1%80%D0%B8%20%D0%9F%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%83%D0%BC%D0%B8%20%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B8%20%D0%9E%D0%BB%D3%A3%20%D0%B0%D0%B7%2023.12.2023%20%E2%84%962.pdf

undetectable viral load and assess the actual risk of HIV transmission, and provides that criminal proceedings should be discontinued where the victim and the accused have reconciled, among other positive provisions. However, the practical implementation of this guidance appears to remain limited.

According to an analysis conducted by the Human Rights Center on criminal cases under Article 125 of the Criminal Code between January 2024 and September 2025, 28 cases involving persons living with HIV (PLHIV) were reviewed, in which the organization provided legal representation to the accused. Of these, 19 cases involved women and 9 involved men, showing that women were prosecuted approximately twice as often as men.

Of 23 court cases brought under Part 1 of Article 125, only one case was discontinued following reconciliation between the parties. In the remaining 22 cases, although the victims had no claims in 20 cases (over 90 per cent of judgments), courts nevertheless issued convictions, contrary to the recommendations of Plenum Resolution No. 2 of the Supreme Court of the Republic of Tajikistan (26 December 2023).

Serious evidentiary and procedural shortcomings also remain. In cases involving alleged HIV transmission under Parts 2 and 3 of Article 125, no phylogenetic examination was reportedly conducted. In cases under Part 1, no expert assessment of the actual risk of HIV transmission was carried out, and undetectable viral load was reportedly not taken into account, despite the guidance contained in paragraphs 28 and 29 of the Supreme Court Resolution.

A working group was established in 2021 under the Ministry of Health and Social Protection of the Republic of Tajikistan to review legislation related to discrimination against

persons living with HIV. However, none of the discriminatory legal provisions have been repealed or revised. These include Government resolutions[101] providing for mandatory HIV testing for persons entering into marriage, legal provisions prohibiting persons living with HIV from studying in medical educational institutions,[102] and restrictions preventing them from adopting children or assuming guardianship.[103] In addition, the age threshold for children living with HIV eligible for State benefits has not been increased from 16 to 18 years, thereby limiting their access to such benefits.

Important gaps also remain in relation to prevention and child protection. No legal mechanism has been established to ensure the provision of breast milk substitutes for children born to women living with HIV, thereby increasing the risk of mother-to-child transmission in cases where safe feeding alternatives are not accessible.

According to the Republican AIDS Center, amendments to the Health Code are currently under consideration by Parliament. The proposed amendments would provide that persons living with HIV who are registered with specialized State health institutions, are receiving antiretroviral therapy, and have achieved an undetectable viral load should not be held criminally liable for knowingly exposing another person to the risk of HIV infection through sexual contact. The amendments also reportedly envisage increasing the age threshold for children receiving benefits to 18 years. However, if adopted, these changes will also require corresponding amendments to related legislation in order to ensure consistency and effective implementation.

[101] №374 dated 23.08.2016.
[102] №475 dated 25.09.2018.
[103] №406 dated 01.10.2004.

Recommendations:

1. Ensure that people living with HIV have access to comprehensive health services, taking into account the special needs of women.
2. Delete Part 1 of Article 125 from the Criminal Code of the Republic of Tajikistan and not hold PLHIV criminally or administratively liable for exposing others to the risk of HIV infection.
3. Implement the recommendations of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Tajikistan "On judicial practice in criminal cases related to human immunodeficiency virus infection."[104]
4. Increase the age of children with HIV who are eligible for social benefits from 16 to 18 years old.
5. Amend the Health Code to specify the grounds for developing procedures for issuing breast milk substitutes for children born to HIV-infected mothers, and develop and adopt these procedures at the national level.
6. Eliminate HIV-related restrictions on the rights of PLHIV to study at medical educational institutions and their rights to adopt children.

[104] №2 dated 26.12.2023.